

А. Б. Шлуинский

ИЯз РАН, Москва

ТЕРМИНАТИВ В ЯЗЫКЕ СУСУ: К ТИПОЛОГИИ ТЕРМИНАТИВНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ПЕРФЕКТА¹

1. Введение

В настоящей работе на материале языка сусу рассматривается так называемый терминатив (ямитив) — специфическая разновидность типологически устойчивой категории перфекта, значение которой близко к значению русского наречия *уже* и, огрубленно, состоит в том, что ситуация завершилась или имеет место раньше ожидаемого. Рассматриваемый глагольный показатель в сусу является аналитическим глагольным маркером и имеет форму *bara*. Поскольку в сусу также представлена еще одна глагольная форма, с показателем *-xi*, значение которой принадлежит к перфектной семантической зоне, мы в целях сопоставления постоянно обращаемся и к этой форме тоже.

В разделе 2 мы характеризуем материал работы, категорию терминатива в целом и глагольную систему сусу. В разделе 3 представлены основные типы употреблений Терминатива сусу (в сопоставлении с Перфектом). В разделе 4 описано взаимодействие Терминатива сусу с акциональной структурой глагола. В разделе 5 предлагается типологическая и диахроническая перспектива, в которой делается попытка дать диахроническое объяснение наблюдаемой дистрибуции как Терминатива сусу, так и, гипотетически, других терминативных граммем.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №15-34-01237. Статья представляет собой развитие темы, по которой ранее автором были подготовлены публикации [Шлуинский 2006; 2008].

Автор благодарит Т.А. Майсака за комментарии к предварительному варианту статьи и участников рабочего совещания «Семантика перфекта в языках мира» (Санкт-Петербург, 2013 г.) за обсуждение доклада, на основе которого она написана.

1.1. Язык сусу и материал исследования

Язык сусу, образуя подгруппу самого дробного уровня с языком джалонке, относится к центральной группе западной ветви семьи манде и является относительно крупным языком Западной Африки: на нем говорят около 1 млн. человек в Республике Гвинея.

В исследовании были задействованы имеющиеся в настоящее время данные по языку сусу, включающие, во-первых, опубликованные грамматики [Houis 1963] и [Touré 1994], учебные издания [Friedländer 1974] и [Touré 2004], диссертацию [Фофана 1992], во-вторых, краткие опубликованные тексты [Виноградов, Фофана 1997], в-третьих, собственные грамматические данные автора, полученные от информанта², в частности, включающие перевод широко известной анкеты TMA Questionnaire (TMAQ), предложенной в [Dahl 1985]. Следует отметить, что хотя, таким образом, массив использованных данных достаточно велик, в основном его составляют изолированные предложения, в связи с чем, в отсутствие сколько-нибудь репрезентативного корпуса естественных текстов, полученные результаты следует считать предварительными. Более того, даже с учетом того обстоятельства, что естественных текстов в нашем распоряжении крайне мало, следует отметить разительный контраст между сравнительно низкой частотностью рассматриваемого показателя сусу в текстах и высокой — в грамматических материалах (наших собственных или опубликованных). Изолированное предложение с референцией к прошлому, призванное продемонстрировать определенную лексическую единицу или актантную структуру, вне контекста обычно переводится на сусу именно при помощи показателя *bara*, тогда как в текстах в очень показательных контекстах мы находим лишь единичные примеры; эта ситуация, безусловно, требует повторного обращения к данной теме после появления более представительного массива текстов.

² Автор выражает свою самую глубокую благодарность носителю языка сусу Умару Камара, с которым он имел возможность длительной плодотворной работы в Москве в 2004 и в 2007 гг.

1.2. Категория терминатива и ее отношение к перфекту

Терминативом, вслед за И. С. Аксеновой [Аксенова 1997: 104–105; 2003: 72], предложившей этот термин применительно к виду-временным системам банту³, мы называем разновидность перфекта, имеющего, наряду с определяющим общим значением перфекта текущей релевантности в настоящем (широко называемым в англоязычной литературе “current relevance”), более частное значение ‘уже’ — то есть, указание на то, что ситуация или ее определенная фаза завершилась или наступила ранее некоторого момента времени (в частности, раньше ожидаемого срока). Связь этого значения с перфектом в привычном понимании представляется естественной: для релевантной ситуации в прошлом, последствия которой сохраняют актуальность, важно время (и преждевременность) ее совершения.

В [Olsson 2013] для показателей такого типа используется также предложенный (устно) Э. Далем термин «ямитив». В этой работе, представляющей собой сопоставительное исследование терминатива на материале нескольких языков Юго-Восточной Азии с привлечением некоторых типологических параллелей, показано, что терминатив представляет собой типологически релевантную грамматическую категорию (universal gram-type в терминологии [Dahl 1985]), которая, однако, очень существенно пересекается с перфектом в своей дистрибуции. Что касается терминологического выбора, мы выбираем более ранний вариант «терминатив», который нам к тому же представляется более удачным, но хотели бы подчеркнуть, что по существу речь идет вне всякого сомнения о единой типологически релевантной категории. В [Dahl, Wälchli 2013] были представлены результаты исследования корреляции употребления в параллельных текстах типологически релевантной категории «просто» перфекта и категории терминатива / «ямитива»; показано, что эта корреляция далеко не абсолютная, но, в то же время, манифестанты категории «просто» перфекта в различных языках также не всегда коррелируют друг с другом в своих употреблениях; в этой перспективе нам кажется полностью оправданным рассмотрение терминатива как специфического варианта перфекта.

³ Как указывает И. С. Аксенова, в традиционной бантуистике для обозначения этой частотной в данной языковой семье категории часто используется термин «усиленный перфект».

Отметим, что в конкретных употреблениях собственно терминативный компонент семантики рассматриваемой категории — как в материале сусу, так и, по-видимому, в других языках, где эта категория представлена, — может быть как в фокусе внимания говорящего, так и не играть существенной роли. В частности, в предложении (1), для которого представлен подробный контекст, существенно, что приезд вождя совершился ранее точки ожидания (что и делает необходимым присутствие наречия *уже* в русском переводе); напротив, предложение (2), по крайней мере, вне специального контекста, не подразумевает специального противоречия ожиданиям говорящего или слушающего, а только сообщает о том, что ситуация имела место до точки отсчета (каковой является момент речи). Фактически в имеющемся материале много чаще представлены примеры без специального акцента на терминативном компоненте, что, однако, естественно связать со спецификой корпуса данных.

- (1) [Говорящий только что видел, что приехал вождь (раньше, чем его ждали)]
menge bara fa⁴
 вождь TRMN приезжать
 ‘Вождь уже приехал’. (ТМАQ 153)⁵
- (2) *a bara siga*
 3SG TRMN уходить
 ‘Он (уже || только что) ушел’. [Friedländer 1974: 34]

⁴ Как и почти все прочие языки манде, язык сусу является языком с фонологическими тональными различиями; на фоне многих других языков манде тональная система сусу является умеренной, поскольку он различает только высокий и низкий тоны, причем тонами различаются лексические, но не грамматические единицы. Тем не менее, в приводимых в статье примерах тоны не отмечены, потому что массив примеров из разнородных источников имеет противоречивую тонировку, а в то же время указание на лексические тоны не релевантно для обсуждаемой проблематики.

⁵ Примеры, не имеющие ссылок на источник, получены от информанта. Если при таком примере представлено в круглых скобках сокращение типа (ТМАQ X), то данный пример представляет собой перевод на сусу предложения номер X из уже упомянутой анкеты ТМАQ из [Dahl 1985].

1.3. Глагольная система сусу

Прежде чем переходить к употреблению показателя терминатива, дадим краткую справку о глагольной системе сусу. Более подробно, с примерами употребления глагольных форм, данная информация суммирована в публикации [Плунгян, Урманчиева 2006], а еще бóльшая детализация (но с использованием традиционного описательного аппарата) может быть найдена в грамматиках [Houis 1963] и [Touré 1994].

Простое предложение имеет в языке сусу, как и в других языках манде, жесткий типологически нетривиальный порядок слов и может быть задано структурной схемой (i), где S, O и V соответствуют общеупотребительным ярлыкам для субъекта, объекта и глагола, X — любым прочим синтаксическим составляющим, а Aux и -suf — позициям, в которых могут быть представлены показатели, используемые для выражения модально-видо-временных значений. Показатели, занимающие позицию Aux, и показатели, занимающие позицию -suf, находятся в дополнительном распределении; для показателей группы Aux очевидно, что они являются аналитическими, а показатели группы -suf мы, ориентируясь на работы предшественников, рассматриваем как суффиксальные, хотя необходимо отметить и некоторую условность этого решения.

(i) S Aux O V(-suf) X

Перечислим показатели, представленные в глагольной системе сусу, с краткой характеристикой их употребления⁶.

1. Фактатив (нулевой показатель) используется для выражения законченной ситуации в прошлом или длящейся ситуации в настоящем, причем эти две возможности распределены лексически в зависимости от семантики глагола. В отличие от многих языков (в том числе западноафриканского ареала), в которых представлена категория фактатива, в сусу фактатив не является

⁶ Следуя распространенной конвенции, предложенной в [Comrie 1976], для ярлыков, приписываемых конкретным граммемам языка сусу, мы используем написание с прописной буквы, а для типологически релевантных категорий — со строчной. В то же время, выбирая ярлыки, мы по возможности используем как можно более близкие типологически релевантные термины — в частности, избегая терминов, используемых в [Houis 1963] и [Touré 1994].

«дефолтной» наиболее частотной формой, а употребляется редко и фактически находится на периферии глагольной системы (см. подробнее в разделе 4.2).

2. Прогрессив (суффиксальный показатель *-fē* или, как более архаичный вариант, конструкция из копулы *la*, занимающей позицию аналитического маркера, и формы с суффиксальным показателем *-fē*) выражает единичную длящуюся ситуацию, одновременную моменту речи (или, в сочетании с Ретроспективом, одновременную точке отсчета в прошлом).

3. Хабитуалис-Футурум (суффикс *-ma*) выражает регулярно повторяющуюся ситуацию в настоящем или прошедшем или единичную ситуацию в будущем.

4. Ассертив (суффикс *-le*) описывает завершенную и коммуникативно выделенную ситуацию в прошлом (либо, в сочетании с Хабитуалисом-Футурумом, в будущем).

5. Перфект (суффикс *-xi*) используется для обозначения ситуации, сохраняющей релевантность, или длящегося состояния (подробнее см. раздел 2).

6. Терминатив (аналитический показатель *bara*) обозначает сохраняющую ситуацию, определенная фаза которой наступила ранее (ожидаемой) точки отсчета (подробнее см. раздел 2).

7. Ретроспектив (аналитический показатель *ni*) обозначает ситуацию в прошлом, в том числе в сочетании с другим видо-временным показателем.

8. Консекутив (аналитический показатель *pa*) обозначает ситуацию, следующую за другой ситуацией, выраженной употребленной ранее глагольной формой.

9. Конъюнктив-Оптатив (аналитический показатель *xa*) употребляется в некоторых зависимых предикациях, а также со значением желания говорящего.

10. Темпоралис (аналитический показатель *to*) употребляется в зависимых предикациях, являющихся обстоятельственными предложениями времени.

11. Императив (нулевой показатель) имеет значение побуждения к действию.

12. Прохибитив — Отрицательный оптатив (аналитический показатель *pama*) имеет функцию запрета или значение отрицательного желания говорящего.

13. Отрицание (аналитический показатель *tu*) имеет отрицательное значение.

Перечисленные показатели в основном не сочетаются друг с другом и образуют единый парадигматический ряд. В то же время есть исключения: Ассертив способен сочетаться с Хаби-туалисом-Футурумом и Перфектом, а Ретроспектив, Темпоралис и Отрицание сочетаются с многими элементами парадигмы.

Основным предметом рассмотрения в настоящей статье является показатель Терминатива, но в разделе 2 мы сравним его употребление с употреблением семантически близкого ему показателя Перфекта, а в разделе 4.2 — с употреблением Фактатива. Информация о прочих показателях приведена лишь в качестве фоновой.

2. Перфектные категории сусу — Перфект и Терминатив

2.1. Собственно перфектные употребления

В глагольной системе сусу представлены две формы, семантика которых может быть описана как перфектная в широком смысле слова — Терминатив с показателем *bara* и Перфект с показателем *-xi*. Обе они описывают ситуацию, релевантную в точке отсчета (которой, по умолчанию, является момент речи), а потому остро встает проблема их дистрибуции; некоторые сведения о ней представлены в настоящем разделе.

Если обратиться к данным анкеты Э. Даля [Dahl 1985] и предлагаемому в той же работе способу интерпретировать эти данные, то на «звание» манифестанта типологически релевантной категории перфекта в языке сусу претендует Терминатив. В Таблице 1 приведены номера контекстов из указанной анкеты, в которых были употреблены рассматриваемые показатели. В Таблице 2, для сравнения, приводится (в русифицированной версии) набор контекстов, которые, согласно Э. Дально, являются прототипическими для перфекта.

Таблица 1. Употребление Перфекта и Терминатива в сусу в анкете Э. Даля

Терминатив (<i>bara</i>)
ТМАQ 37, 39, 42 , 43, 44, 48, 53 , 54 , 55, 56 , 57, 64 , 66, 67 , 68, 69, 107, 108, 120, 125, 126, 135, 136 , 138, 139 , 149, 153
Перфект (<i>-xi</i>)
ТМАQ 58, 60, 85, 115, 116, 122, 127, 128, 129, 130, 133, 134 , 147

Таблица 2. Прототипические употребления перфекта
по [Dahl 1985: 131–132]

ТМАQ 53	[Я хочу дать твоему брату почитать одну книгу, но не знаю какую. Он читал какую-нибудь из этих книг?] (Да,) он ЧИТАТЬ ⁷ эту книгу.
ТМАQ 54	[Мне кажется, что твой брат никогда не дочитывает книгу до конца.] (Неправда.) Он ЧИТАТЬ эту книгу (целиком).
ТМАQ 56	[Вождь еще жив?] (Нет,) он УМИРАТЬ.
ТМАQ 42	Ты когда-нибудь (в течение жизни) ВСТРЕЧАТЬСЯ с моим братом?
ТМАQ 64	[Ребенок: Можно мне идти? — Мать:] Ты ЧИСТИТЬ зубы?
ТМАQ 67	[Что ты узнал, когда пришел вчера в город?] Вождь УМИРАТЬ.
ТМАQ 136	[Говорит человек, который слышал, что приехал вождь, которого давно ждали, но не видел своими глазами:] (Ты слышал новости?) Вождь ПРИЕЗЖАТЬ.
ТМАQ 139	Когда я вчера ПРИХОДИТЬ домой, мой брат уже ПИСАТЬ два письма (вот что он сделал за время моего отсутствия)
ТМАQ 134	[Говорит человек, который слышал, что неожиданно приехал вождь но не видел своими глазами:] (Ты слышал новости?) Вождь ПРИЕЗЖАТЬ.

Как можно видеть, подавляющее большинство (8 из 9) прототипических перфектных контекстов по [Dahl 1985] берет на себя в сусу именно форма Терминатива. В примерах (3)–(8) приводятся основные иллюстрации.

(3)	<i>a</i>	<i>bara</i>	<i>yi</i>	<i>kitabui</i>	<i>xaran</i>	
	3SG	TRMN	этот	книга	читать	
	‘Он читал эту книгу’.					(ТМАQ 53-54)

⁷ В ТМАQ все глагольные формы даются в инфинитиве заглавными буквами, чтобы форма языка-посредника не повлияла на перевод.

- (4) [Вождь еще жив?]
a bara faxa
 3SG TRMN умирать
 ‘(Нет,) он умер’. (ТМАQ 56)
- (5) *i bara n tara to nun?*
 2SG TRMN 1SG старший_сиблинг видеть EMPH
 ‘Ты когда-нибудь (в течение жизни) встречался с моим братом?’ (ТМАQ 42)
- (6) [Ребенок: Можно мне идти? Мама:]
i bara i jinyi ma-xa?
 2SG TRMN 2SG зуб PLUR-мыть
 ‘Ты почистил зубы?’ (ТМАQ 64)
- (7) [Что ты узнал, когда пришел вчера в город?]
mɛngɛ bara faxa
 вождь TRMN умирать
 ‘Вождь умер’. (ТМАQ 67)
- (8) [а. Вождя давно ждали. Говорящий только что его видел и сообщает:] (ТМАQ 135)
 [б. Человек, который слышал о случившемся, но не видел своими глазами:] (ТМАQ 136)
mɛngɛ bara fa
 вождь TRMN приходить
 ‘Вождь приехал’.

Форма Перфекта сусу засвидетельствована в материале только в одном прототипическом контексте перфекта (9b)⁸, но представлена (иногда наряду с другими возможностями) в других контекстах ТМАQ, которые имеют очевидную перфектную се-

⁸ Отметим, что контексты анкеты Э. Даля, отраженные в (9) и в (8), очень близки — предполагаемое в анкете семантическое различие, лежащее в сфере эвиденциальности и адмиративности, по-видимому, совсем не релевантно для рассматриваемых форм, как и для глагольной системы сусу в целом. Мы не можем исключать, что, таким образом, употребление именно Результатива-Перфекта в (9b) и именно Терминатива в (8) является артефактом наших данных.

мантику. И в (10b), и в (11) описывается завершенная ситуация в прошлом, релевантная для точки отсчета в настоящем.

(9) [а. Говорящий только что видел, что приехал вождь, и говорит тому, кто этого не ожидал: — Ты слышал новости?] (TMAQ 133)

б. Человек, который слышал о случившемся, но не видел своими глазами:] (TMAQ 134)

(9a) *mɛngɛ fa-nɛ*
вождь приходит-ASS
'Вождь приехал (и, может, уже уехал).'

(9b) *mɛngɛ fa-xi*
вождь приходит-PRF
'Вождь приехал (и находится здесь).'

(9c) *mɛngɛ fa*
вождь приходит.FAC
'Вождь приехал'. [нейтрально]

(10) [Говорящий видит разбитую чашку и сердится:] (TMAQ 127)

(10a) *nde pɔti bɔ?*
INDF чашка ломать.FAC
'Кто разбил чашку?'

(10b) *nde pɔti bɔ-xi?*
INDF чашка ломать-PRF
'Кто разбил чашку?'

(11) [Как ты думаешь, вождь сейчас ляжет спать?]

a tagan-xi
3SG уставать-PRF
'(Да,) он устал'. (TMAQ 58)

С одной стороны, Терминатив и Перфект далеко не взаимозаменяемы в перфектных контекстах. Так, например, в (12) может быть употреблена только форма Терминатива (12a), тогда как форма Перфекта в этом контексте неприемлема (12b).

Отчасти такого рода различия сопряжены с акциональными свойствами глаголов, что подробнее показано в разделе 3. В то же время представлены и эквивалентные по структуре и близкие лексическому наполнению контексты, в которых засвидетельствованы и форма Терминатива, как в (13), и форма Перфекта, как в (14); мы подразумеваем, что в (13), в отличие от (14), представлен не отраженный в переводах терминативный семантический компонент, но такое утверждение трудно верифицировать.

(12) [Почему так холодно в комнате?]

(12a) *n bara wundari rabi*⁹
 1SG TRMN окно открывать
 ‘Я открыл окно (и оно сейчас открыто)’. (TMAQ 69)

(12b) #*n wundari rabi-xi*
 я окно открывать-PRF

(13) *dime-e bara fa bere-de*
 ребенок-PL TRMN приходить играть-INF
tandee ma
 двор к
 ‘Дети пришли играть во дворе’. [Touré 1994: 301]

(14) *mixi-ye fa-xi sali-de i*
 человек-PL приходить-PRF молиться-INF 2SG
xa gbuntunyi ra
 POSS веранда с
 ‘Люди пришли молиться на твоей веранде’. [Touré 1994: 301]

⁹ В сусу представлены два широкоупотребительных глагольных префикса — имеющий широкое значение глагольной множественности префикс *ma-* и имеющий аппликативное и каузативное значение префикс *ra-* (см. подробнее [Shluinsky 2014]). В настоящей работе мы отделяем эти префиксы при поморфемном глоссировании, когда засвидетельствовано самостоятельное употребление мотивирующей основы, и не отделяем, когда префикс может быть выделен только из структурно-этимологических соображений.

2.2. *Перфектные употребления со смещенной точкой отсчета*

Помимо собственно перфектных употреблений (включающих терминативную семантику), в которых релевантность ситуации отсчитывается от момента речи, у Терминатива сусу представлены употребления со смещенной точкой отсчета.

Одним способом задать смещенную точку отсчета является полипредикативная конструкция, причем то, как именно соотносятся синтаксически предикация, содержащая форму Терминатива, и предикация, задающая точку отсчета, не имеет значения. Так, в (15) Терминатив находится в главной предикации, а в зависимая, представляющая собой обстоятельственное предложение времени, указывает на момент времени, до которого событие будет завершено. В (16), напротив, Терминатив употреблен в зависимой предикации со значением времени, в которой подчеркивается, что на момент осуществления ситуации, описываемой главной предикацией, ситуация, выраженная зависимой предикацией, уже завершена. Наконец, в (17) и предикация, вводящая точку отсчета, и предикация, содержащая показатель Терминатива, являются зависимыми от третьей предикации. Заметим, что ни в одном из этих примеров ни одна из предикаций не содержит прямого указания на временную референцию. Так, в (16) и (17) употреблен показатель Консекутива, опосредованно привязывающий соответствующие события к прошлому как следующие за упомянутыми ранее в тексте событиями в прошлом; в (15) временная референция к будущему и вовсе задается лишь контекстом.

(15) [Слушающий должен уйти]

<i>benun</i>		<i>i</i>		<i>ra-gbilen,</i>	
перед_тем_как		2SG		APPL-возвращаться	
<i>n</i>	<i>bara</i>	<i>kedi</i>		<i>sebe</i>	
1SG	TRMN	бумага		писать	

‘Когда ты вернешься, я уже напишу письмо’. (ТМАQ 107)

(16) *a* *to* *bara* *a* *mapaxun,* *a*
 3SG TEMP TRMN 3SG думать 3SG
naxa *yi* *sigi* *sa*
 CONS этот песня класть

‘Когда он об этом подумал, он стал петь так...’

[Виноградов, Фофана 1997: 270]

- (17) *a to gbilen, a naɣa*
 3SG TEMP возвращаться 3SG CONS
a li, si bara bira
 3SG находить козел TRMN падать
bora, a bara a ma-laxatan
 грязь 3SG TRMN 3SG PLUR-пачкать
 ‘Когда она вернулась, она обнаружила, что козел упал в грязь, испачкался’. [Фофана 1992: 212].

Другим способом задать смещенную точку отсчета — в данном случае только в прошлом — является сочетание показателя Терминатива с показателем Ретроспектива, как в (18)-(19). Очевидно, и само употребление Ретроспектива ориентировано на смещенную точку отсчета в прошлом, заданную более широким контекстом, но в самом сочетании Ретроспектива с Терминативом, мы наблюдаем стандартное взаимодействие Ретроспектива с другими показателями: Терминатив полностью сохраняет собственную семантику, а Ретроспектив смещает его точку отсчета.

- (18) *a nu na a nande nan yi ra*
 3SG RETR COP 3SG мачеха FOC этот с
a nga tan nu bara faxa
 3SG мать FOC RETR TRMN умирать
 ‘Она жила со своей мачехой, ее мать-то уже умерла’.
 [Виноградов, Фофана 1997: 269]

- (19) [Ты застал своего брата дома?]
a bara nu mini
 3SG TRMN RETR выходить
 ‘(Нет,) он ушел (до того как я пришел)’. (ТМАQ 89, 90)

В отличие от Терминатива, для Перфекта употребления со смещенной точкой отсчета в материале практически не представлены.

2.3. Дуративные употребления

Во всех рассмотренных выше примерах форма Терминатива с аспектуальной точки зрения имела семантику перфективного видового ракурса, то есть вводила не длящуюся фазу ситуации, наблюдаемую в некоторый момент времени, а завершенную ситуацию в целом. Но, хотя перфективный ракурс действительно наиболее характерен для этой формы, существенную часть ее

употреблений составляют и обусловленные акциональными свойствами глагола дуративные употребления, где она имеет имперфективный ракурс, то есть описывает длящуюся ситуацию, синхронную точке отсчета (вне специальных условий — моменту речи)¹⁰. В (20)-(21) приведены примеры такого рода.

- (20) *n* *tara* *bara* *a* *kolon*,
 1SG старший_сиблинг TRMN 3SG знать
a *ye* *xinbeli*
 COMP вода быть_холодным
 ‘Мой брат чувствует, что вода холодная’. (TMAQ 120)
- (21) *n* *bara* *gaxo* *bare* *yara*
 1SG TRMN бояться собака перед
 ‘Я (в данный момент) боюсь собаки’.

Интуиция, согласно которой в примерах типа (20)–(21), в отличие, например, от (1)–(2), аспектуальная интерпретация имперфективная, а временная референция — к настоящему, а не к прошедшему, подтверждается и при помощи классического теста на предельность из [Vendler 1957], проверяющему сочетаемость видо-временной формы определенного глагола с обстоятельствами типа ‘за время X’ / ‘в течение времени X’. В сусу оба эти значения — как ‘за’, так и ‘в течение’, выражаются беспосредственной количественной группой, но дают очевидный семантический контраст. С частью глаголов с показателем *bara* такое обстоятельство имеет значение ‘за’, квантифицирует ситуацию в прошлом и характеризует всё время ее совершения, как в (22), тогда как с другой частью глаголов такое обстоятельство имеет значение ‘в течение’, квантифицирует ситуацию в настоящем и характеризует только тот срок, в течение которого на момент точки отсчета уже имела место длящаяся фаза ситуации, как в (23).

- (22) *n* *tara* *bara* *nadεε* *rabi*
 1SG старший_сиблинг TRMN дверь открывать
militi *firin*
 минута два
 ‘Мой брат открыл дверь за две минуты’.

¹⁰ В рамках настоящей работы мы включаем в число дуративных употреблений все те, в которых имеющая длительность фаза ситуации рассматривается изнутри, то есть, частности, и процессы, и состояния.

- (23) *n bara wa militi firin*
 1SG TRMN плакать минута два
 ‘Я плачу уже две минуты’.

К дуративным употреблениям Терминатива с референцией к длящейся ситуации в настоящем примыкает его специфическое употребление в перформативных высказываниях — высказываниях¹¹, выражающих действие, состоящее в произнесении самого высказывания. Так, в (24), где употреблен показатель *bara*, описывается ситуация ‘давать имя / нарекать’, которая, собственно, состоит в произнесении этого предложения.

- (24) *n bara yi di ugre xili*
 1SG TRMN этот ребенок маленький имя
fi n tara ma
 дать 1SG старший_сibling к
 ‘Я даю этому ребенку имя моего старшего брата’.

Форма Перфекта с глаголами некоторых акциональных классов также имеет дуративные употребления и описывает с ними длящуюся в точке отсчета фазу ситуации, как в (25).

- (25) [Что твой брат сейчас делает? (= Чем он сейчас занят?)]
a doxo-xi gbonyi ma,
 3SG сидеть-PRF стул к
a buki xaran-fe
 3SG книга читать-PROG
 ‘Он сидит на стуле и читает книгу’. (TMAQ 85)

Употребления Перфекта, как в (25), контрастируют с формой Прогрессива, образованной от тех же глаголов. Если Перфект используется для выражения синхронной точке отсчета фазе длящегося состояния (26а), то Прогрессив — для выражения синхронной точке отсчета фазе длящегося подготовительного процесса, завершение которого приводит к этому состоянию (26b). Это позволяет интерпретировать употребления типа (25) / (26а) как результативные, поскольку выраженная в них

¹¹ Употребление показателя перфектной семантической зоны в перформативных высказываниях имеет типологические параллели — перфект в перформативах в языке хауса, см. [Щеглов 1970: 51].

стативная фаза является результирующей по отношению к фазе, выраженной в (26b), хотя интуитивно такие употребления скорее выражают «естественное состояние» (в терминах [Недялков, Яхонтов 1983]).

(26a) *n* *дохэ-хи*
1SG сидеть-PRF
‘Я сижу’.

(26b) *n* *дохэ-фэ*
1SG сидеть-PROG
‘Я сажусь’.

3. Терминатив и акциональная классификация глаголов

Как было сказано, распределение перфектных и дуративных употреблений как Терминатива, так и Перфекта имеет лексический характер и определяется акциональным значением конкретной глагольной лексемы.

Акциональным классом¹² мы называем семантическую характеристику глагольной лексемы (или, точнее, глагольной лексемы с заполненными аргументными позициями), релевантную для ее взаимодействия с семантикой аспектуальных грамматических категорий (в первую очередь — «собственно вида», т. е. категории, противопоставляющей перфективное и имперфективное значения, или «ракурсы»). Частное значение конкретной аспектуальной формы конкретного глагола является результатом взаимодействия двух независимых семантических единиц: аспектуальной семантики глагольной грамматической категории и акционального значения глагола. Глаголы, имеющие одно и то же акциональное значение и, таким образом, одинаково взаимодействующие со значениями аспектуальных категорий, составляют единый акциональный класс. Базовая акциональная классификация была, как известно, предложена на материале английского языка в [Vendler 1957], но в

¹² В силу того, что понятия акциональности глагола, акционального класса и акциональной классификации достаточно активно обсуждаются в литературе в последнее время, в настоящей работе мы опускаем как перечисление альтернативных терминов для обозначения этого явления, так и обширную библиографию по данной проблематике.

настоящее время ясно, что в целом как состав акциональных классов, так и принадлежность к ним глаголов с конкретными лексическими значениями варьируют от языка к языку. Возможная методика эмпирического описания акциональной классификации релевантной для глагольной лексики конкретного языка была предложена в [Tatevosov 2002] / [Татевосов 2005]; ниже мы содержательно в существенной мере опираемся на эту методику.

Мы исходим из того, что в семантике каждой глагольной лексемы задана ее акциональная структура — последовательность имеющих длительность стативных фаз (состояний) или динамических фаз (процессов) и точечных кульминационных фаз, завершающих динамические фазы или/и начинающих стативные или и динамические. Определенная видо-временная форма глагола вычлениет из его акциональной структуры определенную фазу; видо-временная форма, имеющая перфективный видовой ракурс, вводит эту фазу целиком, а видо-временная форма, имеющая имперфективный видовой ракурс, рассматривает ее изнутри как длящуюся; в силу этого имперфективный видовой ракурс может сочетаться только с фазами, имеющими длительность, а перфективный видовой ракурс принципиально сочетается с фазами обоих типов, хотя предпочитает точечные фазы; перфективный ракурс не может сочетаться с временной референцией к настоящему (и шире, с референцией, синхронной некоторой точке отсчета), тогда как имперфективный ракурс возможен с любой временной референцией относительно любой точки отсчета. Видо-временные формы могут как иметь с любой глагольной лексемой единственный перфективный или имперфективный видовой ракурс, так и вариативный, зависящий от лексических свойств глагола. Терминатив и Перфект в сусу, как было показано в 2.3, представляют собой именно такой случай, а в разделе 4 эта возможность будет рассмотрена в более широкой перспективе.

Ниже мы, не претендуя на полное описание акциональной классификации глаголов в языке сусу, охарактеризуем пять акциональных классов, релевантных для аспектуальной интерпретации Терминатива и частично Перфекта. Как было сказано выше, мы говорим о перфектных vs. дуративных употреблениях этих форм, имея в виду их семантику в целом, но здесь можно сосредоточиться на различии перфективного vs. имперфектив-

ного видовых ракурсов, которые сопряжены с этим более широким семантическим различием.

3.1. Предельные глаголы

Акциональная структура предельных глаголов включает имеющую длительность фазу процесса и следующую за ней точку кульминации, в которой процесс достигает своего естественного предела. С предельными глаголами Терминатив имеет перфективный ракурс и описывает завершающую точечную фазу, как видно в (27)–(30).

(27) *n bara yi kitabui xaran*
 1SG TRMN этот книга читать
 ‘Я прочитал эту книгу’.

(28) *a xa banxi bara dun xoro*
 3SG POSS дом TRMN гореть вчера
 ‘Его дом сгорел вчера’. [Houis 1963: 58]

(29) *soge bara dula*
 солнце TRMN исчезать
 ‘Солнце ушло’. [Houis 1963: 72]

(30) *banani bara mɔ*
 банан TRMN соревать
 ‘Банан созрел’. [Фофана 1992: 36]

3.2. Непредельные динамические глаголы

Непредельные динамические глаголы содержат в своей акциональной структуре единственную фазу — имеющую длительность фазу процесса. С глаголами данного класса Терминатив также имеет перфективный ракурс и описывает завершённый в прошлом процесс, как в (31)–(35).

(31) *a bara sɔnxɔ*
 3SG TRMN кричать
 ‘Он крикнул’.

(32) *a bara fode bɔnbɔ*
 3SG TRMN Фодэ бить
 ‘Он побил Фодэ’. [Touré 1994: 37]

- (33) *i tan nan bara e ma-fèn*
 2SG FOC FOC TRMN 3PL PLUR-искать
 ‘Это ты их искал¹³’. [Houis 1963: 72]
- (34) *ali bara tугan*
 Али TRMN прыгать
 ‘Али прыгал’. [Фофана 1992: 38]
- (35) *n bara sali*
 1SG TRMN молиться
 ‘Я молился’. [Фофана 1992: 67]

3.3. Ингрессивные глаголы

Акциональная структура ингрессивных глаголов содержит точечную кульминационную ингрессивную фазу, соответствующую началу процесса, и результирующую имеющую длительность динамическую фазу, описывающую сам этот процесс. Терминатив имеет с ингрессивными глаголами имперфективный ракурс и описывает длящийся процесс в настоящем, как в (36а) и (37). Точечная ингрессивная фаза выражается у глаголов этого класса формой Перфекта, который, таким образом, имеет с ними перфективный ракурс, как в (36б).

- (36а) *ye bara satun militi тэхэрен*
 вода TRMN кипеть минута двадцать
 ‘Вода кипит уже двадцать минут’.
- (36б) *ye satun-xi-ne militi тэхэрен*
 вода кипеть-PRF-ASS минута двадцать
 ‘Вода закипела за двадцать минут’.
- (37) *mixi bara xi naхан fа*
 человек TRMN спать REL приходить
 ‘Человек, который пришел, спит’. [Фофана 1992: 187]

¹³ В (33)–(35) мы переводим Терминатив сусу русскими глаголами несовершенного вида, имея в виду его так называемое общефактическое значение, которое, как известно, используется для выражения перфективного ракурса.

3.4. Инцептивные глаголы

В акциональной структуре инцептивных глаголов представлены сходные фазы — точечная кульминационная инцептивная, соответствующая началу состояния, и результирующая имеющая длительность стативная фаза, соответствующая самому этому состоянию. С инцептивными глаголами Терминатив имеет перфективный ракурс и вводит точечную инцептивную фазу, как в (38), (39а), (40а), (41а). Длющаяся стативная фаза выражается у этих глаголов формой Перфекта, который, таким образом, имеет с ними имперфективный ракурс, как в (39b), (40b), (41b).

(38) *a bara a nga to*
 3SG TRMN 3SG мать видеть
 ‘Он увидел свою мать’. [Houis 1963: 13]

(39a) *n bara sa sade ma militi firin*
 1SG TRMN лежать кровать к минута два
 ‘Я лег на кровать за две минуты’.

(39b) *n sa-xi sade ma*
 1SG лежать-PRF кровать к
 ‘Я лежу на кровати’.

(40a) *ali bara fura*
 Али TRMN болеть
 ‘Али заболел’.

(40b) *a nu fura-xi-ne*
 3SG RETR болеть-PRF-ASS
 ‘Он был болен’. [Фофана 1992: 30]

(41a) *yi donma bara nɔxɔ*
 этот рубашка TRMN быть_грязным
 ‘Эта рубашка испачкалась’.

(41b) *yi donma nɔxɔ-xi*
 этот рубашка быть_грязным-PRF
 ‘Эта рубашка грязная’. [Фофана 1992: 36]

3.5. Стативные глаголы

Стативные глаголы имеют в акциональной структуре единственную фазу — имеющую длительность фазу состояния. Со

стативными глаголами Терминатив имеет имперфективный ракурс и выражает эту единственную фазу как длящуюся (42)–(43), (44a). Несмотря на то, что инцептивная точечная фаза отсутствует в акциональной структуре этих глаголов, Терминатив ясно сохраняет с ними терминативный семантический компонент — так, в (44a) нашим информантом был предложен подходящий контекст для употребления данной формы, в котором естественно указание на то, что длящаяся стативная ситуация *уже* наступила, тогда как в (44b), где употреблена форма Прогрессива, также вводящая ту же единственную длящуюся стативную фазу, такого компонента нет. Стативные глаголы характеризуются тем, что форма Перфекта с ними затруднена, ср. (44c).

(42) *fatu bara furu*
 Фату TRMN быть_беременным
 ‘Фату беременна’. [Фофана 1992: 30]

(43) *ali bara fori*
 Али TRMN быть_старым
 ‘Али старый’. [Фофана 1992: 31]

(44a) *n belexe bara n xəpə*
 1SG рука TRMN 1SG болеть
 ‘У меня уже рука болит {например, после долгого бросания мяча}’.

(44b) *n belexe na n xəpə-fə*
 1SG рука COP 1SG болеть-PROG
 ‘У меня болит рука’.

(44c) ^{??}*n belexe n xəpə-xi*
 1SG рука 1SG болеть-PRF

Таким образом, при рассмотрении сочетания Терминатива сусу с глаголами пяти основных акциональных классов обнаруживается, что с тремя из них — предельными, непредельными динамическими и инцептивными — Терминатив имеет перфективный видовой ракурс и перфектное употребление, а с двумя — ингрессивными и стативными — имперфективный видовой ракурс и дуративное употребление. Распределение акциональных классов между двумя типами видовых ракурсов и употреблений

терминатива нельзя назвать тривиальным: безусловно, совсем неудивительно, что предельные глаголы дают перфективный ракурс, а стативные — имперфективный, но распределение прочих классов не может быть описано ни в терминах динамичности vs. стативности, ни в терминах отсутствия vs. наличия кульминационной точки. Еще более нетривиальный факт представляет собой асимметричное поведение ингрессивных и инцептивных *resp.* не-предельных и стативных глаголов: с глаголами, выражающими не-предельные процессы Терминатив имеет имперфективный ракурс, если в акциональной структуре есть инхоативная точечная фаза, а с глаголами, для выражающими состояния, напротив, — если ее нет. Возможным объяснением этих нетривиальных фактов может быть системный фактор — если дуративные употребления Терминатива рассматривать как диахронически более поздние, чем перфектные, то Терминатив заполняет функциональные слоты, в которых не употребляется Перфект: как можно видеть, с ингрессивными и инцептивными глаголами у семантики этих двух форм дополнительное распределение, при этом у Перфекта выбор имперфективного ракурса с инцептивными глаголами и перфективного — с ингрессивными более естествен.

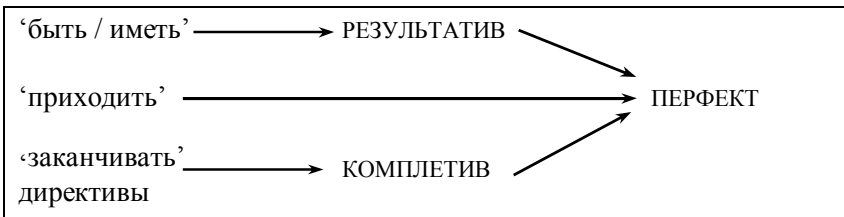
4. Типологическая перспектива и диахроническая интерпретация

4.1. Терминатив и перфект

В [Vydrine 1999] (см. также [Lürke 2005: 123]) рассматриваемый нами показатель Терминатива сусу *bara* возводится к глаголу со значением ‘заканчивать’. По-видимому, именно такой диахронический источник на данный момент отмечается для всех обсуждаемых в литературе примеров типологически релевантной категории терминатива — так, в [Аксенова 2008: 30–32] по результатам массового обследования лексических источников видо-временных показателей в языках банту показано, что терминативы систематически грамматикализуются именно из глаголов со значением ‘заканчивать’. В [Olsson 2013] так же характеризуется происхождение исследуемых в этой работе терминативов языков Юго-Восточной Азии — малайского, тайского, вьетнамского и пекинского китайского.

В то же время хорошо известно, что глаголы со значением ‘заканчивать’ являются одним из наиболее типичных источников грамматикализации перфекта. На Схеме 1 представлен фрагмент семантической карты из [Yubee et al. 1994: 105]; согласно этой работе, есть три основных пути грамматикализации перфекта¹⁴: из результативных конструкций с глаголами-связками ‘быть’ и ‘иметь’; из глагола ‘приходить’; из комплетива, образуемого на базе глагола ‘заканчивать’ или директивных показателей.

Схема 1. Пути грамматикализации перфекта по [Yubee et al. 1994: 105].

Значение комплетива, промежуточное между лексическим фазовым значением ‘заканчивать’ и типологически релевантным значением перфекта, Дж. Байби и ее соавторы характеризуют как ‘сделать полностью и до конца’ с возможным эмфатическим компонентом, приводя в пример английские сочетания *to shoot someone dead* и *to eat up*. Такое значение у конструкций с глаголами с исходным лексическим значением ‘заканчивать’, действительно, легко может быть обнаружено в языках разной ареальной и генетической принадлежности. Так, например, в языке эве представлены, как в (45a–d), сериальные конструкции с глаголом *vɔ* ‘заканчивать’, который может быть переведен на русский язык собственно как ‘заканчивать’, может быть не отражен в переводе, а может быть учтен при помощи лексических средств. Обратим внимание на то, что данная конструкция в эве никак не может быть охарактеризована как перфект (тем более, сильно грамматикализованный): ее употребления маргинальны и не имеют специального значения актуальности в настоящем.

¹⁴ В [Yubee et al. 1994: 105] и, в частности, в оригинале приводимой семантической карты, типологически релевантная категория перфекта именуется *anterior*.

- ЭВЕ (< КВА)
- (45a) *kofi klo e-ntɔ vɔ*
 Кофи мыть 3SG-себя заканчивать
 ‘Кофи закончил мыться’. [личные данные]
- (45b) *kofi fo ama vɔ*
 Кофи ударять Ама заканчивать
 ‘Кофи ударил Аму’. [личные данные]
- (45c) *da-nye sa abolo la vɔ keŋkeŋ*
 мать-1SG продавать хлеб DEF заканчивать весь_{RED}
 ‘Моя мать продала весь хлеб’. [Агбоджо 1986: 91]
- (45d) *lã sia-wo ku vɔ keŋ*
 животное этот-PL умирать заканчивать весь
 ‘Эти животные все вымерли’. [Агбоджо 1986: 91]

Возникает вопрос о том, как соотносятся с точки зрения диахронического развития значения комплетива, терминатива и собственно перфекта. Примечательно, что в [Bybee et al. 1994: 61] о семантическом переходе от комплетива к перфекту говорится как о гипотезе, а ясных примеров конкретноязыковых категорий, дистрибуция которых включала бы как употребления со значением ‘полностью / до конца’, так и перфектные употребления нет. В то же время, как было показано в настоящей работе на конкретно-языковом материале сусу, дистрибуция сильно грамматикализованного терминатива существенно пересекается с дистрибуцией перфекта, а терминативный семантический компонент часто бывает не актуализован. Это позволяет предположить, что в пределе именно терминативный семантический компонент может быть утрачен полностью, и, таким образом, именно терминатив, а не комплетив составляет промежуточное звено между фазовым значением ‘заканчивать’ и перфектом.

Еще более нетривиальный вопрос касается дуративных употреблений терминатива с имперфективным ракурсом, которые он имеет с глаголами некоторых акциональных классов. В целом для категории перфекта типологически вполне характерно сосуществование употреблений, в которых в перфективном ракурсе вводится событие в прошлом, актуальное в настоящем, и употреблений, в которых в имперфективном ракурсе вводится

длящееся состояние в настоящем — известно понятие «статального перфекта». Но такого рода полисемия прежде всего ожидаема и легко объяснима для перфекта, возникающего диахронически как развитие результатива. Результатив определяется как категория, выражающая длящееся состояние, синхронное точке отсчета — ср. [Недялков, Яхонтов 1983]. При развитии у результатива перфектных употреблений сохраняются и сосуществуют с ними и результативные, и таким образом, конкретно-языковая категория может выражать и перфективный, и имперфективный ракурс.

Однако такое естественное диахроническое объяснение дуративных употреблений неприменимо к категориям, диахронически восходящим к глаголу со значением ‘заканчивать’: данное фазовое значение, как и значение комплетива, предполагают целиком завершенную ситуацию. При этом случай терминатива в сусу, который имеет дуративные употребления, никак нельзя назвать исключительным. В (46a–b) приведены примеры, показывающие сосуществование перфектных употреблений с дуративными у терминатива аква, но сходная ситуация засвидетельствована и для терминативов в языках Юго-Восточной Азии, рассматриваемых в [Olsson 2013], и для не имеющего терминативного семантического компонента перфекта, восходящего к глаголу со значением ‘заканчиваться’ — такие случаи разбираются в [Bybee et al. 1994: 71–74], наиболее подробно — на примере монкхмерского языка палаунг, также принадлежащего к ареалу Юго-Восточной Азии.

АКВА (банту, бенуэ-конго)

(46a) *Osona a-se-to-um-a*

Осона 3SG-TRMN-брать-PASS-NTR

‘Осона уже вышла замуж’. [Аксенова, Топорова 2002: 198]

(46b) *o-ndego amba bisu o-se-seng-a*

CL-дружба POSS 1PL CL-TRMN-длиться-NTR

‘Наша дружба длится уже долго’.

[Аксенова, Топорова 2002: 198]

В [Bybee et al. 1994: 71–74] дуративные употребления перфекта, восходящего к глаголу со значением ‘заканчивать’, интерпретируются как результат генерализации собственно перфектных

употреблений, возникших ранее у глаголов, имеющих в своей акциональной структуре точку кульминации, на всю глагольную лексику, включающую также глаголы, акциональная структура которых содержит только имеющую длительность фазу, в том числе фазу состояния-«качества»¹⁵, характеризующую постоянные свойства объекта. Действительно, предположение о том, что у конструкций, возникающих на основе глагола со значением ‘заканчивать’, первичны дуративные употребления, описывающие длительно существующее состояние, полностью противоречит интуиции и всякому здравому смыслу; следовательно, единственно возможно вынужденное предположение *ad hoc* о том, что дуративные употребления развиваются из перфектных (включая терминативные). В то же время очевидно, что сама по себе потребность генерализации категории перфекта на всю глагольную лексику не требует возникновения дуративных употреблений — так, перфект в европейских языках не имеет лексических ограничений и в то же время всегда имеет перфективный ракурс с референцией к прошлому. Следовательно, дуративные употребления перфекта с глаголами какой бы то ни было акциональной структуры никак не следуют автоматически из самого факта, что перфектное значение должно быть генерализовано на всю глагольную лексику, а должны объясняться действием каких-то дополнительных системных факторов. Ниже рассматривается возможный фактор такого рода в глагольной системе *susu*.

¹⁵ В настоящей работе мы используем термин «качество» в противопоставлении «явлению», заимствованный из известной работы [Булыгина 1982]; для данного понятия используются также термин «предикат индивидуального уровня» в противопоставлении «предикату стадийного уровня» (введенный в [Carlson 1977] и с тех пор часто использующийся в формально-семантических работах), а также термин «устойчивое состояние» в противопоставлении «временному состоянию» (в [Падучева 1985]). С одной стороны, семантически «качества» представляют собой разновидность состояний — как и в случае всех прочих состояний, речь идет об имеющей длительность ситуации, протекающей без каких-либо изменений. С другой стороны, «качества» могут быть противопоставлены всем прочим ситуациям («явлениям») вне зависимости от их акциональной структуры, потому что, в отличие от них, составляют постоянную характеристику объекта (индивида), присущую ему в течение всего срока его существования.

4.2. Терминатив в зеркале фактатива

Нефиксированный перфективный *vs.* имперфективный ракурс у Терминатива в сусу и его связь с временной референцией к прошлому *vs.* к настоящему (которые, как было сказано, обнаруживаются и у других описанных в литературе представителей типологически релевантной категории терминатива), а также выбор видового ракурса и сопряженной с ним временной референции в зависимости от акциональной структуры глагола обнаруживают очень яркое сходство с тем, как выбирается видовой ракурс и временная референция у представителей типологически релевантной категории фактатива.

Фактативом мы, вслед за [Welmers 1973], называем видо-временную форму, которая имеет перфективную *vs.* имперфективную аспектуальную интерпретацию и, соответственно, временную референцию к прошлому *vs.* к настоящему в зависимости от семантических свойств глагольной лексемы. В [Swift, Bohnemeuer 2004] для содержательно сходной категории используется термин «дефолтный вид». В [Шлуинский 2012] предложен типологический обзор фактатива, где, в частности, показано, что фактором, отвечающим за выбор видо-временной интерпретации этой категории, является акциональная структура глагола, причем на одном полюсе находятся глаголы «качества», описывающие постоянные свойства объекта, с которыми фактатив всегда имеет имперфективный ракурс, а на другом — предельные глаголы, описывающие динамическую ситуацию, завершающуюся точкой кульминации, с которыми фактатив всегда имеет перфективный ракурс; распределение глаголов с иной акциональной структурой между двумя интерпретациями фактатива составляет разнообразие типологических возможностей. Поскольку, во-первых, именно такое распределение не случайно (для глаголов «качеств» наиболее характерно употребление со значением длящейся ситуации в настоящем, а для предельных глаголов — употребление со значением завершенной ситуации в прошлом), а во-вторых, фактатив не имеет дополнительной семантической нагрузки, эта форма, как правило, оказывается наиболее широкоупотребительной, что часто сопряжено с ее тенденцией к нулевому маркированию. В (47) в качестве примера фактатива приводится нулевая форма в языке девоин; в (47a), в сочетании с предельным глаголом, она описывает завершенное событие в прошлом, а в (47b), в сочетании с глаголом «качества», она описывает длящееся событие в настоящем.

ДЕВОИН (кру)
 (47a) *ó pī sāyè*
 он готовить мясо
 ‘Он приготовил мясо’. [Marchese 1986: 31]

(47b) *í bélé bélé*
 я иметь полотенце
 ‘У меня есть полотенце’. [Marchese 1986: 31]

Как ясно из предшествующего изложения, можно легко подобрать для Терминатива сусу пару примеров, сходную с (47). Так, в (48a) представлена данная форма глагола предельного акционального класса, а в (48b) — глагола «качества», относящегося к стативному акциональному классу; в соответствии с тем, что было описано в разделе 3, (48a) имеет референцию к прошлому и описывает завершенное событие, а (48b) имеет референцию к настоящему.

(48a) *tela bara donma dege*
 портной TRMN рубашка шить
 ‘Портной сшил рубашку’. [Фофана 1992: 46]

(48b) *gine-e bara fata kure ra*
 женщина-PL TRMN уметь велосипед с
 ‘Женщины умеют ездить на велосипеде’. [Фофана 1992: 64]

Таким образом, Терминатив сусу (как и, вероятно, другие терминативы, имеющие дуративные употребления) отличается от фактатива наличием дополнительной, более сложной, терминативной семантики — завершение события или, напротив, его наступление ранее определенного срока, а также его общая актуальность в точке отсчета. «Выветривание» этой семантики, ведущее к превращению терминатива с дуративными употреблениями в фактатив, кажется весьма правдоподобной диахронической перспективой.

Если обратиться к глагольной системе сусу, то, как упоминалось в 1.3, в сусу также есть глагольная форма, которую можно охарактеризовать именно как фактатив: речь идет о морфологически не маркированной форме, которая, в зависимости от акциональной структуры глагола, может выражать завершенную ситуацию в прошлом, как в (49a), и длящуюся ситуацию в настоящем, как в (49b).

(49a) <i>dime-e</i>	<i>sigá</i>		
ребенок-PL	уходить.FAC		
‘Дети ушли’.		[Touré 1994: 240]	
-
(49b) <i>n</i>	<i>fata</i>	<i>kedi</i>	<i>xaran-de</i>
1SG	уметь.FAC	бумага	читать-INF
‘Я умею читать’.			

Существенное отличие Фактатива сусу от более привычных фактативов других языков (материал которых, в частности, разбирается в [Шлуинский 2012]), связано не с его семантикой, а с узусом: в синхронном состоянии сусу Фактатив вовсе не является наиболее широко употребительной формой, а находится на периферии и мало представлен и в текстах, и в изолированных примерах (в частности, в примерах, полученных при переводе анкеты Э. Даля), потому что вытесняется показателями, имеющими более частную семантику, занимающими соответствующие функциональные ниши. Такой процесс, как известно, абсолютно типичен в целом для грамматических показателей в диахронии — в частности, именно так бывает устроен жизненный цикл форм с перфектным и претерияльным значением: перфект вытесняет претерит вначале в перфектных контекстах, подразумевающих актуальность события в прошлом для точки отсчета, а далее и во всех прочих контекстах с референцией к прошлому, теряя таким образом перфектную семантику и становясь новым претеритом (см., в частности, [Bybee et al. 1994: 105]). Если посмотреть на соотношение употреблений Терминатива и Фактатива в сусу, то в базовых случаях оно очень похоже на соотношение перфекта и претерита — Терминатив употребляется в контекстах с референцией к прошлому, предполагающих какую-то актуальность события (в том числе и через его наступление ранее определенного момента), как в (50a), тогда как Фактатив обнаруживается в контекстах с референцией к неактуальному прошлому, как в (50b). Сходное соотношение представлено и в употреблениях Терминатива и Фактатива с референцией к настоящему: в контексте, для которого можно предполагать уместность терминативного семантического компонента (о ситуации уместно сказать, что она *уже* имеет место), употребляется Терминатив, как в (51a), а в контексте, в котором речь идет просто о происходящей ситуации в настоящем, употребляется Фактатив, как в (51b).

- (50a) *a bara faha*
 3SG TRMN умирать
 ‘Он умер’. [Фофана 1992: 55]
- (50b) *a faha rakuu*
 3SG умирать.FAC давно
 ‘Он давно умер’. [Фофана 1992: 55]
- (51a) *gine-e bara fata kure ra*
 женщина-PL TRMN уметь велосипед с
 ‘Женщины умеют ездить на велосипеде’.
 [Фофана 1992: 64] (=48b)
- (51b) *n fata kedi xaran-de*
 1SG уметь.FAC бумага читать-INF
 ‘Я умею читать’. (=49b)

Можно предположить, что для развития дуративных употреблений у Терминатива сусу мог быть существен системный фактор: диахроническое развитие Терминатива состоит в том, что он постепенно занимает функциональную нишу Фактатива (а не отсутствующего в глагольной системе сусу претерита), а потому берет на себя и те употребления из этой ниши, которые изначально не ожидаются для исходной фазовой семантики окончания действия. Дальнейшие исследования терминативных граммем в других языках могут подтвердить или опровергнуть это предположение: мы ожидаем, что дуративные употребления будут отсутствовать (или будут иметь другое объяснение) у терминативов в языках, видо-временная система которых включает претерит и презенс, но не фактатив.

5. Заключение

В настоящей работе мы рассмотрели употребление глагольной граммемы терминатива (ямитива) в языке сусу — граммемы, принадлежащей к семантической зоне перфекта, но имеющей специфический семантический компонент завершения или наступления ситуации ранее некоторой точки отсчета. Было показано, что, при совпадении точки отсчета с моментом речи, Терминатив сусу имеет два типа употреблений, различающихся видовым ракурсом и временной референцией: выражающие за-

вершенную ситуацию перфективные употребления с референцией к прошлому и выражающие длящуюся ситуацию имперфективные употребления с референцией к настоящему. Выбор между этими двумя типами употреблений определяется акциональной структурой глагола (мы рассмотрели основные пять акциональных классов сусу), и в этом отношении Терминатив сусу, как и, по-видимому, терминативные граммы других языков, очень близок к глагольной граммеме фактатива, также имеющей оба возможных видовых ракурса и соответствующие им временные референции в зависимости от акционального класса глагола. Как и его типологические параллели, Терминатив в языке сусу восходит к глаголу со значением ‘заканчивать’, что, с одной стороны, ставит вопрос о соотношении терминатива с соответствующим путем грамматикализации перфекта, а с другой — о возможных причинах появления дуративных употреблений, не ожидаемых у данного лексического источника. Мы предполагаем, что именно терминатив (а не комплетив, как это предполагалось ранее) может быть промежуточным звеном между фазовым значением окончания действия и собственно значением перфекта. Кроме того, мы предполагаем, что системным фактором, объясняющим появление дуративных употреблений у терминатива (в частности, у Терминатива сусу) является наличие в системе граммы фактатива, функциональную нишу которой берет на себя терминатив. Оба предположения могут быть впоследствии верифицированы данными других языков с граммемой терминатива.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, APPL — аппликатив, ASS — ассертив, CL — показатель именного класса, CONS — консекутив, COP — глагольная связка, COMP — подчинительный союз, DEF — показатель определенности, EMPH — показатель эмфазы, FAC — фактатив, FOC — показатель фокуса, INDF — показатель неопределенности, INF — инфинитив, NTR — показатель непереходности, PASS — пассив, PL — мн. число, PLUR — показатель предикатной множественности, POSS — показатель посессивности, PRF — перфект, PROG — прогрессив, REL — показатель относительного предложения, RED — редупликация, RETR — ретроспектив, SG — ед. число, TEMP — темпоралис, TRMN — терминатив.

Литература

- Агбоджо 1986 — К. О. Агбоджо. Глагол и предикат в изолирующем языке (на материале языка эве). Дисс. ... к.ф.н. Пятигорск: ПГПИИЯ.
- Аксенова 1997 — И. С. Аксенова. Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М.: Наука.
- Аксенова 2003 — И. С. Аксенова. Глагол в языках банту // В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания. Глагол. М.: Восточная литература. С. 41–180.
- Аксенова 2008 — И. С. Аксенова. Лексические источники показателей вида, времени и модальности в языках банту // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. М.: Academia. С. 13–122.
- Аксенова, Топорова 2002 — И. С. Аксенова, И. Н. Топорова. Грамматика языка аква. М.: УРСС.
- Булыгина 1982 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // О. Н. Селиверстова (ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука.
- Виноградов, Фофана 1997 — В. А. Виноградов, М.-С. Фофана. Сказки и поговорки сосо // В. А. Виноградов (ред.). Язык африканского фольклора. Африканская сказка II. М.: Восточная литература. С. 264–276.
- Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука. С. 5–41.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука.
- Плунгян, Урманчиева 2006 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. К описанию глагольной системы языка сусу (в сопоставлении с джалонке) // Актуальные проблемы африканского языкознания 2005. М.: ИЯз РАН. С. 187–202.
- Татевосов 2005 — С. Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания, №1. С. 108–141.
- Фофана 1992 — М.-С. Фофана. Синтаксис простого предложения в языке аналитического типа (на материале языка сосо). Дисс. ... к.ф.н. М.: ИЯз РАН.
- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. Аспектуальная система языка сусу: взаимодействие показателя *bara* с глагольной лексикой // Международная научная конференция «Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы». Тезисы. СПб.: СПбГУ. С. 369–370.
- Шлуинский 2008 — А. Б. Шлуинский. Акциональность глаголов языка сусу и ее взаимодействие с показателем *bara* // Е. И. Зеленев и др.

- (ред.). Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы: Международная научная конференция 4-6 апреля 2006 г. Доклады и материалы. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 413–427.
- Шлуинский 2012 — А. Б. Шлуинский. Фактатив и смежные категории: опыт типологии // *Acta Linguistica Petropolitana* (Труды Института лингвистических исследователей РАН), VIII(2). СПб.: Нестор-история. С. 950–996.
- Щеглов 1970 — Ю. К. Щеглов. Очерк грамматики языка хауса. М.: Наука.
- Bohnmeyer, Swift 2004 — J. Bohnmeyer, M. Swift. Event realization and default aspect // *Linguistics and Philosophy* 27(3). P. 263–296.
- Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press.
- Carlson 1977 — G. Carlson. *Reference to Kinds in English*. Ph.D. diss. Amherst: University of Massachusetts.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.
- Dahl, Wälchli 2013 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Disentangling the variability of the perfect gram type. Paper presented at ALT X, Leipzig, 2013.
- Friedländer 1974 — M. Friedländer. *Lehrbuch des Susu*. Leipzig: Verlag.
- Houis 1963 — M. Houis. *Étude descriptive de la langue susu*. Dakar.
- Lüpke 2005 — F. Lüpke. *A grammar of Jalonke argument structure*. Ph.D. Proefschrift. Nijmegen, Radboud Universiteit.
- Marchese 1986 — L. Marchese. *Tense/aspect and the development of auxiliaries in Kru languages*. Arlington: SIL.
- Olsson 2013 — B. Olsson. *Imitives: Perfects in Southeast Asia and beyond*. M. A. thesis. Stockholm: Univ. of Stockholm.
- Shluinsky 2014 — A. Shluinsky. Verbal prefixes *mâ-* and *râ-* in Susu and lexical features of verbal stems // *Mandenkan* 52.
- Tatevosov 2002 — S. Tatevosov. The Parameter of Actionality // *Linguistic Typology* 6 (3). P. 317–401.
- Touré 1994 — A. Touré. *Éléments de description de la langue soso*. Thèse de doctorat. Grenoble.
- Touré 2004 — A. Touré. *Parlons soso*. Paris: L'Harmattan.
- Vendler 1957 — Z. Vendler. Verbs and Times // *The Philosophical Review* 66(2). P. 143–160.
- Vydrine 1999 — V. Vydrine. *Manding-English Dictionary*. Vol. 1. St. Petersburg: D. Bulanin.
- Welmers 1973 — W. E. Welmers. *African language structures*. Berkeley — Los Angeles — London: University of California press.